

ВЯЧ. ИВАНОВ — ПРОФЕССОР БАКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Н. В. Котрелев

Историко-филологический факультет Бакинского Государственного Университета избрал Вячеслава Ивановича Иванова своим профессором по кафедре классической филологии¹. 19 ноября 1920 года Научная Ассоциация БГУ, после доклада Н. А. Дубровского, одного из организаторов университета, об этом избрании и его «отзыва о В. И. Иванове как ученом, переводчике и поэте», закрытой баллотировкой единогласно утвердила В. И. Иванова в должности профессора². Официальная дата начала работы Вяч. Иванова в БГУ, по документам, — 17 ноября 1920 г.**³ В октябре 1921 г. В. И. Иванов был избран также и заведующим кабинетом классической филологии⁴.

В. И. Иванов сразу же приступает к исполнению профессорских обязанностей. 23 ноября 1920 г. он докладывает историко-филологическому факультету о своих курсах и семинариях на текущий академический год: «История греческой трагедии» (2 часа в неделю), курс «Данте и Петрарка» (2 часа), курс о Достоевском (2 часа), греческий автор (Эсхил, 2 часа), «Ars poetica» Горация (2 часа). Вероятно, до обсуждения план занятий Иванова выглядел несколько иначе, т. к. в карандашной записи того же протокола зачеркнуты названия курсов: «Греческая религия», ««Энеида» Вергилия», «История греческой поэзии»⁵.

В осеннем семестре 1921 года В. И. Иванов читал лекции и вел практические занятия по следующим курсам: «История греческой литературы» (2 раза в неделю), ««Буколики» Вергилия», «Немецкий романтизм» (2 раза в нед.), семинарии по новой русской литературе и по Ницше. Весною 1922 года за счет упразднения двухчасового семинария по древнегреческой литературе был расширен семинарий латинский⁶; кроме лекций по древнегреческой литературе, Иванов продолжал семинарий «Достоевский и Пушкин»

* Материал для предлагаемого сообщения собран осенью 1963 года в бакинских архивах. Автор глубоко признателен архивным работникам за немалую помощь в его разысканиях. Особенно благодарен он А. О. и С. А. Маковельским, любезно поделившимся с ним воспоминаниями о Вячеславе Иванове в Баку.

Подавляющая часть документов, нами использованных, находится в ЦГАОР АзССР, поэтому, с целью экономии места, мы при ссылке на них не повторяем всякий раз названия этого хранилища, а указываем только номер фонда. В большинстве своем документы, к которым мы отсылаем читателя, — протоколы заседаний различных университетских органов, обидно скучные; нами цитируются почти все развернутые записи о выступлениях В. И. Иванова.

** Приводим в связи с этим отрывок из «Именного списка профессорско-преподавательского состава Азербайджанского Государственного Университета, весьма важный для изучения биографии Вяч. Иванова, которое

и два раза в неделю вел занятия по курсу, в расписании названному «Поэтика». Нужно отметить, что курсы по русской и немецкой литературам и по Ницше были специально поручены факультетом В. И. Иванову сверх обычной восьмичасовой профессорской нормы⁸.

На 1922/23 учебный год факультет утвердил для В. И. Иванова, по его заявлению, такие курсы и практические занятия: «История греческой литературы» (2 часа, весь год), чтение Платона («Федон», 4 часа, осенний семестр), чтение Лукреция (4 часа, весенний семестр), «Греческая религия» (2 ч. годовых), семинарий по Гете (2 ч. год.), курс о Байроне⁹. Однако, в процессе работы Иванов значительно изменил этот план, с одобрения факультета: вместо Лукреция весной 1923 года читался Тацит, курсы о Байроне («Поэзия мировой скорби и Байрон» и двухчасовой семинарий) и греческой религии были соответственно замещены четырьмя недельными часами семинария и лекций по поэтике и курсом истории римской литературы¹⁰.

В последнем, 1923/24, академическом году, на котором закончилась преподавательская деятельность В. И. Иванова в Баку, он вел занятия по истории греческой литературы (4 часа, осенний семестр), по истории греческой религии, по поэтике (лекции и семинарий, добавленные Ивановым после объявления первоначального плана работы¹¹), в его семинариях читались «Эвмениды» Эсхила и X книга Квинтилиана¹².

Особо следует сказать о преподавании Ивановым итальянского языка. Эти занятия проводились по почину самого профессора: на заседании факультета 11 декабря 1920 г. он заявляет о необходимости изучения студентами итальянского языка; ему был поручен курс для начинающих¹³. Снова элементарный курс итальянского языка, на этот раз с привлечением студентов консерватории, и снова по собственной инициативе, В. И. Иванов ведет в весеннем семестре 1924 года, выполняя работу простого преподавателя¹⁴.

Круг лекций и семинаров, предложенных В. И. Ивановым своим слушателям, не только отражает личные привязанности поэта, филолога и мыслителя (например, история религии, трагика, Достоевский и Ницше), не только подчеркивает широчайшую, энциклопедическую гуманитарную образованность Вяч. Иванова, но показывает умение и желание профессора преподнести свою науку во всем богатстве ее объектов, дать студентам представление о важнейших ее аспектах в их связи (трактат Квинтилиана и история религии, поэтика и Достоевский и т. д.). Признание студентов пришло к Иванову. Вот что вспоминает С. А. Маковельская о его лекторстве: «Все очень любили слушать Вяч. Иванова. Он читал в первой аудитории (теперь там физкультурный зал), вмещалось туда человек 600—1000, собирались студенты всех факультетов, стояли в проходах. Красноречие, знание языков, умение все связать воедино, эрудиция — все это привлекало слушателей...»

Сравнительно тихая жизнь в Баку позволила Вяч. Иванову вернуться к любимым занятиям историей дионисийства. Уже в мае 1921 г. он предлагает Научной Ассоциации БГУ устроить открытое заседание для слушания докладов Е. И. Байкова «Divus Caesar. К вопросу о характере обоготворения

едва начинается (вертикальные графы «Списка» даны в горизонтальной раз-
вертке):

«Ф. И. О. — Иванов, Вячеслав Иванович

С какого времени служит вообще — с 1910

Где проходила служба и какая — В 1903 преподаватель в Высшей русской школе в Париже. Преподаватель высших женских курсов Раева до 1912; с 1918 г. в Московском Наркомпросе членом Центротейтра, зав. исторической секцией театрального отдела, зав. академической секцией литературного отдела; с 1919 г. профессор Смоленского Университета.

С какого времени служит в БГУ — с 17 ноября 1920 г.

Настоящее служебное положение — профессор классической филологии, временно по кафедре западных литератур.

Семейное положение — вдов, дочь 25 лет, сын 9 лет.

римских императоров» и В. И. Иванова «Афинский буколион и древнейшие буколические культы в Аттике, (к характеристике прадионисийских религий)». Этот доклад (чтение его было назначено на 17 мая 1921 г.¹⁵) стал одной из глав, давно уже созревших, докторской диссертации¹⁶. Профессоры и доценты были освобождены от докторских экзаменов специальным постановлением факультета¹⁷; 22 июля 1921 года, после диспута, на котором официальными оппонентами выступили А. О. Маковельский, Л. Г. Лопатинский, Е. И. Байбаков, а неофициальными — М. В. Беляев, А. Д. Гуляев и А. М. Миронова*, В. И. Иванов был удостоен степени доктора классической филологии**.¹⁹

Ученая степень доктора наук была восстановлена в Бакинском университете в начале 1921 года. В. И. Иванов принял участие в разработке поло-

* Приведем весьма лестный отзыв о диссертации Иванова проф. Л. А. Ишкова, бывшего заведующим отделом высших учебных заведений НКП Азербайджана: «...Необходимо отметить наиболее крупных ученых в составе университета: Довнар-Запольского, Сиповского, Вячеслава Иванова, Левина А. М., Рубашкина, Малиновского и др. <...> [университет] уже выпустил более 15 изданий <...> почти по всем отраслям естественных и гуманитарных наук. Из этих изданий необходимо отметить интересные исследования профессора Вячеслава Иванова о ранней греческой религиозной жизни и др. <sic>...»¹⁸

** Память А. О. и С. А. Маковельских сохранила голиардические стихи Е. И. Байбакова, университетского остролова, на защиту Вяч, Иванова; стихи эти весьма любопытны: в них в шуточной форме излагаются основные тезисы оппонентов (2—3 строфы — возражения А. О. Маковельского, 5 — самого Байбакова, 7 — Л. Г. Лопатинского; 4, 6, 8, — ответы В. И. Иванова)

1. По приглашению Ишкова,
Сюртук одернув, с места встав,
Свое вступительное слово
Пропел собранью Вячеслав.
2. Начался диспут. Выступает
Философ с пасмурным лицом.
На Вячеслава нападает,
Грозит бедняге кулаком.
3. Философической системы
Ты не понял, о друг, пойми!
И, о позор, мифологему
С обрядом спутал, черт возьми.
4. Научной совести не трогай,
Замолкни, дерзкий философ,
Я через миф в обряд дорогу
Всегда отыскивать готов.
5. Плетешь ты факты слишком смело.
Везде и всюду Дионис,
А где ж, скажи, татап Кибела,
Изида, Аттис, Озирис?
6. Невыносимее для слуха
Нет ничего таких речей.
Твоя Кибела — потаскуха,
И Дионис не знался с ней!

жений о промоциях; им было внесено предложение об учреждении степени pro meritis, отвергнутое заседанием²⁰ Научной Ассоциации. Однако, уже в июле 1921 года факультет поручает В. И. Иванову и А. О. Маковельскому (позднее к ним присоединился А. В. Селиханович) подготовить доклад о научных трудах А. Д. Гуляева с целью присуждения ему степени доктора философских наук honoris causa; эту степень Гуляев получил в апреле 1923 года²¹. Восстановление института ученых степеней было одним из признаков нормализации научной жизни университета... В. И. Иванов не раз давал отзывы о научных заслугах своих коллег, оппонировал им на защитительных диспутах, эти оценки послужили основой для присуждения докторских степеней, например, А. О. Маковельскому, Е. И. Байбакову, В. М. Зуммеру, снижавшим известность еще до войны²².

Проблема научных кадров в молодом, удаленном от сложившихся учебных центров университете стояла очень остро. Решалась она различными способами. Для чтения лекций на филологический факультет приглашались компетентные профессора других факультетов (например, приват-доцентом, после весьма одобрительного отзыва В. И. Иванова, был избран медик А. М. Левин²³; то же самое — из Политехнического Института — П. К. Энгельмейер²⁴). Разумеется, университет старался и заполучить известных преподавателей из других городов: шли переговоры о замещении кафедры западных литератур Ю. Н. Верховским, уже избранным профессором БГУ в 1922 году по рекомендации В. И. Иванова²⁵; переехал в Баку А. М. Евлахов, представитель петербургской филологической школы, бывший профессором в Варшаве*.

7. Я признаю твои буколы,
Одно лишь ты не разгадал:
С похмелья, что ли, Вахх веселый
Вдруг Дионисом мрачным стал!?

8. Нет, свыше сил моей природы
Истолковать такой трюизм:
Давным-давно уж Эрвин Роде
Истолковал дионисизм.

* А. М. Евлахов был избран профессором АзГУ на основании отзыва В. И. Иванова²⁶ о его трудах и научной деятельности. Отзыв этот сохранился среди протоколов заседаний Совета и Факультетов АзГУ. Приводим его: «Труд А. Евлахова «Введение в философию художественного творчества, опыт историко-литературной методологии» (в двух больших томах) является, как справедливо утверждает это в предисловии сам автор, «первым опытом систематической методологии» истории литературы. Исследование ведется со здравым тактом мыслителя; оно живо, остроумно, содержательно и является доказательством большой и весьма разносторонней эрудиции автора. База исследования очень широка: использованы, помимо всей методологической, обширная общеполитическая литература и ряд трудов по отдаленным специальным дисциплинам; далее, литература по эстетике и богатый запас фактов из истории искусств; наконец, огромный материал из области истории литератур. Отказывая наукам о духе вообще в признании их науками в строгом и полном смысле слова, автор ищет <нрзбр> определить предмет истории литературы, ибо из предмета должен вытекать метод, а совершенная методологическая разработка составляет непременное условие науки. История литературы, в глазах автора, — история поэзии, история поэзии — история форм. Итак, история литературы есть вид общей истории искусства. В эволюции поэтического творчества автор различает моменты эстетический и психологический. Первый есть результат эволюции от творчества до-эстетического к художественному, второй — от творчества безличного к индивидуальному. Автор в своем трактате выступает учеником Александра Веселовского, ищущим продолжить его искания в направлении методологическом,

Наиболее важной, как с точки зрения культурного строительства в Азербайджанской республике, так и с точки зрения престижа и развития самого университета, была проблема воспитания молодых научных работников из числа студентов. Среди слушателей было много таких, которым мировая и гражданская войны помешали закончить уже начатое высшее образование; многие имели даже дипломы, но не успели получить степени и т. д. Из таких слушателей подготавливались молодые доценты и доктора. В этой работе активное участие принимал В. И. Иванов: он составлял программы занятий и испытаний, оценивал серьезность и плодотворность работы, руководил ею, выступал оппонентом на пробных лекциях и защитах диссертаций. Его крестниками и питомцами в науке стали В. Л. Архарова, Б. П. Яблонко, А. В. Лукьянова, П. А. Федоровский и др.²⁸ Участие Иванова в судьбе молодых ученых было отнюдь не формальным исполнением профессорских обязанностей: очевидна живая заинтересованность Иванова в их будущем. Например, когда был поставлен вопрос об отчислении из факультета Б. П. Яблонко и А. В. Лукьяновой, в связи с упразднением должности временного преподавателя, «В. И. Иванов предлагает возбудить ходатайство перед Наркомпросом о продлении срока для тех врем^{енных} преподавателей, которые начали сдавать докторские экзамены и заявили о своем твердом намерении продолжать их.»²⁹ В долгой дискуссии по предложению Наркомпроса сократить число научных сотрудников В. И. Иванов настаивал на сохранении этого института, обеспечивающего молодым ученым условия научного роста. Он присоединился к профессорам, требовавшим даже увеличения контингента научных сотрудников, получавших стипендию; Иванов указывал, «что <может> быть переполнение мест ассистентов и лаборантов, и молодому человеку, подающему надежды в ученом отношении, придется разорвать связь с университетом». Более того, Иванов считал «не-нужным стеснять аспиранта каким бы то ни было сроком»³⁰.

Весьма значительна роль В. И. Иванова в университетской карьере П. Х. Тумбия. В мае 1921 года Тумбиль избирается «научным сотрудником по классической филологии у проф. В. И. Иванова»; вскоре он, имея уже юридическое образование, после «испытаний по курсам «Греческая трагедия» и «Dante» в комиссии из Л. А. Ишкова, В. И. Иванова и Л. Г. Лопатинского» получает диплом филолога; уже в осеннем семестре П. Х. Тумбиль, по представлению Иванова и Лопатинского, читает элементарный курс греческого языка, а позднее, вновь по предложению В. И. Иванова, — спецкурс по греческому поэту. Иванов руководит научными занятиями молодого сотрудника, он же оппонирует Тумбилю на пробных лекциях на звание приват-доцента, которого П. Х. Тумбиль и удостоился³¹.

Наконец, сохранившиеся документы хорошо представляют особенное внимание, с которым Вяч. Иванов следил за научным ростом и устройством будущего своего студента М. Альтмана*. 14 июня 1923 г. проф. В. И. Иванов в заседании Совета АзГУ, в связи с представлением Факультета Общественных Наук об оставлении М. Альтмана при университете, дает «отзыв о занятиях М. Альтмана в течении университетского курса, о его дарованиях и работах и в частности о выпускном сочинении на тему «Дремлющие мифы в «Илиаде» Гомера»**. Решением Совета Альтман избирается научным

<торс?> «Исторической поэтики», оставленный Веселовским, представляется автору уже началом будущей истории литературы, как науки, поскольку намечает первые очертания широких обобщений, имеющих характер законов поэтической эволюции.

14/VI. 1923

Проф. Вяч. Иванов»²⁷

* Записки М. Альтмана о встречах с Вяч. Ивановым см. выше (ред.)

** Этот отзыв профессора, вместе с отзывом о труде А. М. Евлахова, — то небольшое, что сохранилось в архиве из многочисленных аналогичных работ Иванова; вот он: «Первый из окончивших в текущем уч^{ебном} году университетский курс студентов Факультета Общ^{ественных} Наук.

сотрудником. Однако Наркомпрос поначалу отказался одобрить, по невыясненной причине, решение университета, а потом медлил с утверждением Альтмана в должности. По инициативе В. И. Иванова университет настоял на своем. Весной 1924³² года Иванов составляет программу научных занятий своего ученика³³.

Вяч. Иванов стал деятельным и ценным работником во всех областях университетской жизни, едва налаживавшейся, преодолевавшей множество трудностей, следовавших не только из молодости университета, но и из разрухи, царящей в республике. Иванов регулярно посещает заседания факультета, Совета университета, Научных Ассоциаций (одно время — высшего органа университетского самоуправления) — укажем, что не раз специально ставился вопрос о необходимости и аккуратности посещения заседаний³⁵. Не одним советом в обсуждении, но и как член многочисленных комиссий способствует он становлению и укреплению университета. Мы уже говорили об участии Иванова в подборе научных кадров, покажем теперь его работу в АЗГУ на некоторых других поприщах, как она отражена документами.

Моисей Альтман, отличался за все время пребывания своего в университете выдающейся даровитостью и успешностью научных занятий. По всем зачетам получил он высшую отметку, представленная же им выпускная работа на тему «Дремлющие мифы в Илиаде Гомера» была оценена факультетской комиссией как превосходное доказательство научного трудолюбия и замечательной самостоятельности научной мысли. Эта работа дает больше, чем сколько мы в праве требовать от работы студенческой, потому что устанавливает целый ряд новых точек зрения на изучаемый предмет. Из работ Альтмана, подвергавшихся рассмотрению на моих семинариях, отмечу интересные по новизне результаты исследования о «Записках из мертвого дома» Достоевского и о мифе в ибсеновой драме «Пер Гюнт». В своей книге «Дионис и прадионисийство», в главе XI («О возникновении трагедии») я пишу в обширном примечании 3-м к § 8 (на стр<аницах> от 247 по 250): «Не лишены интереса догадки одного из моих университетских слушателей. М. С. Альтмана, о религиозной символике трагедии ... Сообщаю эти порою несомненно меткие, порою остроумные, правда, но проблематические соображения, не беря на себя их защиты в целом». Приводя далее в сжатом изложении эти догадки, упомянуть о которых я, как автор исследования, признал в связи последнего уместным и целесообразным, я отмечаю в некоторых местах неизвестные Альтману факты, служащие к их подтверждению. Все вышеуказанное свидетельствует о пробужденности и самостоятельности научной мысли нашего кандидата.

Как выпускное сочинение Альтмана относится к области гомерової поэтики, так и вообще его занятия ориентировались по преимуществу на поэтику, и в частности на проблемы мифотворчества. Главную же базой в изучении исторической поэтики служила для него классическая филология, интерес к которой сказался как в вышеприведенных фактах его занятий Гомером и греческою трагедией, так и в том, что, кроме зачетов обеих историй античной литературы, греческой и римской, ему зачтены еще специальные курсы по греческому эпосу, по греч<еской> трагедии, по Горацию, по исторической грамматике латинского языка и ряд семинариев по древним авторам, как-то: по Гомеру, по Геродоту, по Катулле, по Саллюстию, по Вергилию (Буколики и Энеида), по Горацию (*Ars poetica*), по Цицерону (*Somnium Scipionis*).

Принимая во внимание все указанные обстоятельства и желание автора работать в дальнейшем над проблемами исторической поэтики, избрав базой изучений классическую филологию и исходя из исследования фактов античной поэзии и античного мифа, я ходатайствую перед Факультетом об оставлении Моисея Альтмана при университете в качестве научного сотрудника, с предоставлением ему стипендии, при кафедре класс<ической> филологии и под моим руководством.

В. И. Иванов участвовал в обсуждении программ преподавания, состоял в комиссии, пересмотревшей планы и штатное расписание факультета в связи с преобразованием его из историко-филологического в факультет общественных наук и введением новых обязательных курсов для всех отделений: советской конституции, исторического материализма, истории хозяйственных форм (июнь 1923 г.)³⁶. Важно отметить, что Вяч. Иванов считал необходимым изучение философии не только студентами-гуманитариями, но равно и математиками; по его предложению на историко-филологическом факультете экзамен по философии был признан обязательным для всех отделений³⁷.

Для нормализации и активизации научной жизни на факультетах АЗГУ создавались научные общества и секции, при этом не раз вставал вопрос об образовании единого общеуниверситетского органа, координирующего и обобщающего работу факультетов. Сторонником именно такого устройства деятельности ученых выступал Вяч. Иванов, настаивавший на принципе «universitas litterarum»³⁸, отвечающем его представлениям о *единстве* культуры...

Университет, поначалу, занимал одно единственное здание (ныне мединститута); часть площади в нем была отведена под жилье обслуживающему персоналу и профессуре (например, в университетском здании жил и сам Иванов). С увеличением числа студентов, с прибытием новых преподавателей наступил кризис, теснота не только мешала налаживанию жизни университета, но тормозила самое его развитие. Возникал вопрос о перераспределении университетских помещений⁴⁰, особенно же неотложный — о расширении жилфонда. Создается жилищная комиссия, одним из членов которой избран Иванов⁴¹. Вместе с проф. П. К. Жузе от имени университета он составляет «Заявление» председателю Азревкома*. Тогда же Иванов и

* Публикуем этот документ, важность которого не только в том, что одним из авторов его был Вяч. Иванов, но и в том, что он несомненно интересен для историка АЗГУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АЗРЕВКОМА

Уполномоченных от Совета
профессоров Бакинского
Государственного Университета,
профессоров Вячеслава Ивановича
ИВАНОВА и Пантелеймона
Крестовича ЖУЗЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Жилищный вопрос обострился в настоящее время для академического состава Бакинского Государственного Университета до степени критической. Профессора лишены, за немногим исключением, жилищ, обеспечивающих им возможность привычной и спокойной домашней работы, необходимой для выполнения ими своих прямых обязанностей, своего ученого призвания. Многие живут в невыносимой тесноте, в холоде и сырости, в невыгоднейших для научной работы условиях, под угрозой выселения и уплотнения, иногда в проходной комнате, где ютится целая семья. Некоторым профессорам Университет вынужден был дать приют в собственном здании, что, естественно, в самом нежелательном смысле стесняет развертывание научно-учебной деятельности Университета, требующей постоянного увеличения числа аудиторий и научных кабинетов. С другой стороны, невозможность гарантировать помещение новым профессорам, приглашенным и ожидаемым для замещения вакантных кафедр, лишает университет научных сил, без коих обойтись он не может; между тем, современная практика других университетов пока-

Жузе дважды посетили Наримана Нариманова, выдающегося революционера, бывшего в ту пору председателем Азербайджанского Революционного Комитета*. Жилкомиссии приходилось ставить перед советскими партий-

зывает, что такая гарантия стала нормою. Ввиду столь острого и тягостного положения Университет уже обращался в соответствующие учреждения с просьбою о помещении для его преподавательского персонала. Но оба дома, номинально уступленные Университету для этой цели, отнюдь не удовлетворяют изложенной нужде. В одном из них нет ни одной свободной квартиры, которая хоть сколько-нибудь отвечала бы понятию здорового и благоустроенного жилья; этот дом требовал бы скорее переустройства, чем ремонта. Другой, нуждающийся в предварительном ремонте, сплошь заселен и фактически занят быть не может.

Но и принципиально дело идет не о подыскании для нескольких отдельных лиц более или менее сносного помещения, что было бы лишь паллиативом, а о насущной для Университета необходимости, диктуемой всею совокупностью жизненных условий, иметь в своем распоряжении пригодное для жизни на коммунальных началах преподавательское Общежитие, вблизи от Университета, в помещении, специально для этой цели приспособленном и оборудованном, удовлетворительном в отношении гигиеническом, отвечающем культурным потребностям и достоинству Университета.

Нижеподписавшиеся Уполномоченные Государственного Университета ходатайствуют перед Вами о принципиальном признании и утверждении проекта означенного Общежития и о действительной помощи в его реализации, незамедлительной ввиду неотложности дела. Позволяем себе обратить Ваше внимание на то, что для ограниченного в первую очередь числа семей и отдельных лиц (желательно было бы, ближайшим образом, устроить человек 25—30 из преподавательского состава) можно было бы учредить Общежитие в доме № 16 по Будаговской улице, бывшем Скобелева, занятом ныне, наравне с частными лицами и ответственными советскими работниками, также и учреждениями, как Бакинская милиция и Эвакопункт, которые, быть может, сочтено было бы перевести в другие здания города. Этот дом, где живут уже пять лиц из преподавательского состава Университета, по своему местоположению, как смежный с Университетом, и благоустройству, представляется вполне подходящим и отвечает желаниям Университета для учреждения в нем первого отделения академического Общежития.

31 марта 1921

Вячеслав Иванов
П. Жузе»⁴²

* Приводим доклады В. И. Иванова об этих встречах заседанию Совета Объединенных Ассоциаций Университета, сохранившиеся в протоколах: 1) — от 10 апреля 1921 г.; 2) — от 21 апреля 1921 г.

1) «В. И. Иванов докладывает о том, что по поручению Правления они посетили вместе с профессором Жузе председателя Азревкома Нариманова с ходатайством об отводе Ун<иверсите>ту Скобелевского дома для устройства в нем на коммунальных началах преподавательского общежития, при чем ими было подано Нариманову письменное заявление, а также даны необходимые, в развитие его, словесные разъяснения. Председатель Азревкома отнесся очень сочувственно к этому, тотчас же положил резолюцию о том, чтобы общежитие было устроено в ближайшее время, и сделал целый ряд успокоительных заявлений, что сделает все возможное для урегулирования этого вопроса и, в частности, ответит дом Скобелева. Второе свидание с Наримановым пока не состоялось, но в ближайшее время, дня через два, они вновь посетят его.»⁴³ 2) «Доклад В. И. Иванова о деятельности Жилищной комиссии. В. И. Иванов сообщает, что 14 апреля члены Комиссии посетили Предазревкома Нариманова и, так как в это время уже имелось сообщение о передаче дома Скобелева в пользование У<ниверсите>та, то члены

ными органами, кроме вопросов, ради которых она была создана, некоторые другие: о пайках и т. д.* (см. документы, указанные в прим. 41).

Культурно-просветительская деятельность Вяч. Иванова вовсе не ограничивалась рамками университета. Его универсальные познания, экспансивность его характера, как культурного работника, слава известного поэта и критика обеспечили ему видное место в художественной жизни Баку тех лет. Вяч. Иванов выступает с лекциями перед рабочей аудиторией⁴⁵, ведет занятия по поэтике в учительских кружках⁴⁶ и занятия в драматическом техникуме Бакполитпросвета⁴⁷, участвует в создании бакинского Союза журналистов⁴⁸. К сожалению, мы пока не можем сколько-нибудь полно судить об этих выступлениях Иванова за малым числом разысканных документов. Укажем, однако, на несколько докладов, известных из более или менее пространственных отзывов газетных рецензентов.

23 августа 1921 года Вячеслав Иванов в пользу голодающих читает лекцию «об Александре Блоке (по поводу кончины)». В ней «с грустной задумчивостью тов. Иванов рассказал о творческом естестве Блока ... особенно подчеркнул в творчестве почившего поэта свойственное только определенным избранникам поэзии таинство словорождения, тесно сплетенное с осознанием его и претворением в образ...»⁴⁹ В юбилей Некрасова 1921 года Вяч. Иванов дважды выступает со словом о поэте: 5 декабря на большом вечере в гостеатре, а шестого — в университете⁵⁰. Отметим участие Вяч. Иванова в поэтических вечерах и диспутах: поэтов Г. А. Харазова⁵¹, А. Кручных⁵², Ю. Дегена⁵³.

С театром, столь ему близким, Иванов был связан и помимо занятий в техникуме. Например, в 1922 году Вяч. Иванов предварял спектакль в бенефис П. Н. Орленева вступительным словом о Ф. М. Достоевском и романе «Братья Карамазовы»⁵⁴. В январе 1923 года, в связи с постановкой на бакинских подмостках «Поэзигра», Иванов на торжественном вечере читал лек-

Комиссии выразили ему благодарность за удовлетворение ходатайства и подали новое заявление о необходимости для У<ниверсите>та получить еще несколько зданий, причем было названо несколько домов, — Мухтарова, Тагиева и др., отвод которых У<ниверсите>ту был бы крайне желательным. Что касается дома Скобелева, то фактически его передача до настоящего времени состояться не могла. Члены комиссии дважды сделали попытку, до настоящего заседания, разъяснить положение путем переговоров с Председателем Центрожилотдела Первушиным, но дважды назначенное свидание не состоялось не по вине членов Комиссии. Очевидно, предстоит борьба, и в этой борьбе члены Комиссии полагают бы обращаться за содействием к первой инстанции, а не к последующим.»⁴⁴

* Об участии Вяч. Иванова в одном из интендантских походов не без юмора вспоминал А. О. Маковельский. Во время беседы, краткая запись которой хранится у автора сообщения и уже цитировалась выше, когда речь зашла о блестящем красноречии Иванова, А. О. Маковельский рассказал следующее: «Профессора узнали, что в Азнефти получены костюмы, ботинки и т. д. Решили послать к Серебровскому — Председателю Азнефти — делегацию: Вяч. Иванова, Ростовцева, Маковельского. Явились мы в Азнефть, Серебровский принял нас. Первым говорил Иванов, целый час, по всем правилам элоквенции. Тема была — значение университета для развития культуры и промышленности края; Университет имеет огромное значение для подъема культуры семейств нефтяников. Серебровский выслушал. Потом Ростовцев (Ростовцев — проф. медфака) час говорил о значении здравоохранения: необходимо заботиться о здоровья нефтяников. Серебровский устал. Про Маковельского он подумал, что тот тоже готовит часовую речь. «Извините, пожалуйста, у меня назначено свидание в ЦИК'е. Вкратце, что бы вы хотели?» — «Узнали о костюмах, обуви, мы обносились, просим толику ваших богатств». Серебровский тут же вызвал начальника своей канцелярии, сказал подготовить ордера, спросил, что и в каком количестве хотят получить профессора».

цию «Вагнер-мифотворец и его лебединое действо»⁵⁵. Еще раньше о Вагнере говорил Вяч. Иванов на вечере художественной выставки «Весенний Салон», посвященном столь важной для него проблеме «синтеза искусств»⁵⁶.

Во второй половине мая 1924 года Вяч. Иванов уехал в Москву на Пушкинские торжества; бакинская газета сообщила, что этот отъезд состоялся по вызову Наркомпроса СССР⁵⁷. О точной дате отъезда судить пока невозможно, но последний протокол заседания ФОНа, в котором В. И. Иванов значится присутствующим, — от 20 мая 1924 г.⁵⁸ Незадолго перед тем факультет удовлетворил его просьбу «о командировании за границу на 1 год с сохранением содержания, без пособия»⁵⁹. В столице вопрос о поездке решился положительно и окончательно. На родину Вячеслав Иванов уже не вернулся... С 1 февраля 1925 года университет считал его «находящимся... в отпуску без содержания»⁶⁰. А. О. Маковельский указывает, что В. И. Иванов был профессором Бакинского университета до 1 июля 1925 года⁶¹, хотя еще в повестке на явку профессоров на частное совещание 22 октября 1925 года стоит его фамилия⁶².

Решение остаться за границей сложилось у Вяч. Иванова под влиянием многих факторов. Среди них, видимо, не последними стали изменения, которые претерпевали университетская жизнь и сам статут Университета, автономия которого год от году терялась в связи с последовательным подчинением его Наркомпросу Азербайджанской республики⁶³, приданием ему прежде всего практического уклона⁶⁴ (в 1924 году историко-филологический и физико-математический факультеты были сведены в единый педагогический, о чем не мог не знать заранее Иванов, сотрудник многочисленных преобразовательных комиссий)⁶⁵. Все это, несомненно, угнетало Вяч. Иванова — приверженца старой концепции университета: *res publica litteraria*⁶⁶. Представляется важным и другое обстоятельство: растущее влечение Иванова к католицизму, о чем вспоминал А. О. Маковельский.

Как бы ни относился *субъективно* Вяч. Иванов к процессам, протекавшим в Бакинском университете, необходимо признать, что свой долг ученого, профессора, администратора по избранию он исполнял честно, руководствуясь прежде всего теми требованиями, что предъявляло к нему общество, которому он служил. Необходимо признать, что работа его в укреплении Азербайджанского государственного университета в самую первую пору его существования — плодотворна и значительна. Разумеется, при чтении сообщения, посвященного *специально* деятельности одного человека, в силу этого только мимоходом упоминающего людей, с которыми тот сотрудничал, может сложиться одностороннее впечатление о преувеличенной значительности его участия в общем труде. Поэтому оговоримся: мы вовсе не хотели умалить роли В. И. Разумовского, Н. А. Дубровского, которым прежде всех обязан Бакинский университет своей организацией, роли профессоров П. К. Жузе, В. Б. Томашевского, А. О. Маковельского, В. В. Сиповского и многих других медиков, математиков, филологов, юристов, которые отдали столько сил развитию высшего образования в Азербайджане; их деятельность ждет еще своих пристальных исследователей. Вяч. Иванов был их сотрудником, он делил с ними тяготы и радости университетской жизни в самую трудную пору. Лучшим свидетельством плодотворности работы Вяч. Иванова в АзГУ стали его ученики, видные деятели советской науки и культуры: М. Гухман, В. Мануйлов, М. Альтман, Ц. Вольпе и другие⁶⁷.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Протокола заседания ист.-фил. ф-та, на котором состоялось избрание Вяч. Иванова, обнаружить не удалось.

2. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, л. 8, а также ед. хр. 1, л. 49 об.

3. Архив БГУ им. С. М. Кирова, ф. 1, оп. 55, св. 1, ед. хр. 7, л. 7, а также документ, отрывок из которого мы публикуем на стр. 326—327 — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 12, л. 5.

4. О деятельности Иванова на этом посту см. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, л. 21; ед. хр. 8, лл. 6, 7, 8 об.; ед. хр. 15, л. 12.
5. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 14 и об., 16 и об., 57.
6. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 8, л. 18.
7. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, л. 38; ед. хр. 8, лл. 11, 17; ед. хр. 10, лл. 14—24.
8. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 8, л. 11; ед. хр. 22, л. 26 об.
9. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 26, 27 об.; ед. хр. 15, л. 9; Арх. БГУ им. С. М. Кирова, ф. 1, оп. 55, св. 1, ед. хр. 4, л. 14.
10. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 15 лл. 2 об., 4; ед. хр. 16, лл. 6—9, 11 об.
- И. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1.
12. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 15, л. 21 об.; ед. хр. 24, л. 33 об.
13. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 17, 63.
14. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 12 об., 16, 17; Документы В. И. Иванова-экзаменатора см. — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 19, 20, 21; Арх. БГУ им. С. М. Кирова, ф. 1, оп. 55 св. 1, ед. хр. 4, лл. 15, 23, 24.
15. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, л. 20 об.
16. Об истории создания диссертации см. в кн.: Вяч. Иванов, «Дионис и прадионисийство», Баку, 1923, сс. V—VII.
17. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, л. 43.
18. «Бакинский рабочий», 93 (525) от 28. 4. 1922.
19. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 43, 44, 50.
20. ф. 1640 оп. 1, ед. хр. 2, лл. 21, 22; участие В. И. Иванова в комиссии по разработке положения об ученых степенях — оп. 1, ед. хр. 2, л. 20 и об.; ед. хр. 4, л. 73.
21. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, л. 43; ед. хр. 15, л. 13; ед. хр. 22, л. 42.
22. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 4, 9; ед. хр. 9, л. 6; ед. хр. 4, л. 47; ед. хр. 21, л. 74 об.; ед. хр. 24, лл. 2 об., 10 об., 21.
23. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 21, лл. 74 об., 75, 95 об.; ед. хр. 24, лл. 2 об., 10 об.
24. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 21, л. 50 об.; ед. хр. 22, л. 60 об.
25. Сторонником приглашения Ю. Н. Верховского был Иванов, от Верховского было получено даже согласие немедленно приехать в Баку, проезд не состоялся по невыясненным причинам. Участие В. И. Иванова в переговорах, а также его высокая оценка преподавательских способностей Ю. Н. Верховского — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1; ед. хр. 24, лл. 9, 16, 18.
26. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 21, л. 16.
27. Оригинал — рукой Вяч. Иванова; поллиста писчей бумаги, исписаны с обеих сторон; чернила; орфография — непоследовательное смешение старой и новой — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 21, л. 28 и об.
28. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 8, л. 21 об.; ед. хр. 24, лл. 6, 8, 12, 15, 16, 18, 20, 23, 25, 30.
29. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 15, л. 16.
30. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 21, 26 об., 30 об., ед. хр. 7, л. 57; ед. хр. 9, л. 10 и об.; ед. хр. 21, л. 133.
31. ф. 1640 оп. 1, ед. хр. 2, л. 21; ед. хр. 4, л. 55; ед. хр. 8, лл. 3, 30, 31; ед. хр. 9, лл. 13, 50; ед. хр. 15, лл. 2 об., 6, 7; ед. хр. 21, л. 96, ед. хр. 24, лл. 7, 8, 31. В библиотеке покойного П. Х. Тумбия автор обнаружил несколько книг (Овидий, Пиндар, *Epicozum Graecorum Fragmenta*), принадлежавших некогда поэту и подписанных его рукою: «V. Ivanov» или «Вяч. Иванов». Тумбиль получал от Иванова из Италии письма, но в конце 30-х годов, когда П. Х. Тумбиль, к счастью, ненадолго, был объявлен мусаватистом, они исчезли.
32. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 15, л. 21; ед. хр. 21, лл. 16 и об., 50 об.; ед. хр. 24, лл. 9, 22.
33. Другие материалы, о менее значительных эпизодических, насколько позволяют судить документы, связях подобного рода (отзывы, стипендии и т. п.) Вяч. Иванова с профессурой и слушателями (Н. Г. Городенский,

М. В. Беляев, В. А. Удинцев, Вайсенберг, Г. М. Эфрос, В. Г. Сахновский, В. В. Сиповский и мн. др.) см. — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, л. 9; ед. хр. 4, л. 14; ед. хр. 8, лл. 4, 14, 22, 26 об., ед. хр. 15 лл. 7, 8 об., 22; ед. хр. 21, л. 50; ед. хр. 24, л. 1 об., 2. Большой интерес представляет составление В. И. Ивановым, вместе с Е. И. Байбаковым, приветственного адреса (не-разысканного) к 80-тилетнему юбилею Л. Г. Лопатинского в январе 1922 г. и его участие в составлении некролога (тоже неизвестного) этому профессору (август 1922) и в комиссии, занимавшейся судьбой его ненапечатанных работ — см. ф. 1964, оп. 1, ед. хр. 8, л. 18; ед. хр. 15, л. 1.

34. Оригинал — рукой Вяч. Иванова; два полулиста писчей бумаги, исписанных с обеих сторон; чернила; орфография — см. прим. 25; ф. 1640, ед. хр. 21, лл. 29, 30.

35. См., напр., ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, л. 24.

36. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, л. 17; ед. хр. 8, л. 4; ед. хр. 15, лл. 2, 17, 19; ед. хр. 21, л. 96. В связи с введением новых курсов комиссии пришлось исключить из программ такие курсы, как палеография, история религии, элементарный курс греческого языка на словесном отделении и история религии и археология на историческом.

37. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, л. 23 об.; ед. хр. 15, л. 2.

38. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 11, 18 и об.; ед. хр. 8, л. 15 об.; особен-но полно — ед. хр. 21, л. 55 об.

39. Участие В. И. Иванова в научной, административной, экономической и пр. сторонах университетской жизни (устройство библиотеки, составление смет, закупка оборудования, выборы внутриуниверситетских органов, издательская комиссия и т. д.) — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 13 и об., 15 об.; ед. хр. 7, лл. 1 и об., 10 об., 24—27, 48, 49; ед. хр. 15, л. 8 об.; ед. хр. 21, лл. 55 об., 110; ед. хр. 22, л. 59 об.; ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 47, л. 22 об. Коль скоро речь зашла об участии В. И. Иванова в выборах ректора и деканов, укажем на несостоятельность сообщений, кочующих из одной энциклопедии в другую (см. статьи о В. И. Иванове в ЛЭ, КЛЭ, ТЭ и т. п.) о том, что Иванов был ректором АзГУ, а тем более Наркомпросом Азербайджанской Республики. В действительности же Иванов только выдвигался на заседаниях соответствующих органов в кандидаты на пост декана (1921 г.) и ректора (1923 г.), но оба раза снимал свою кандидатуру, да и число записок, называвших ее, было невелико; см. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 8, л. 7; ед. хр. 21, л. 111. О всех ректорах см. в кн.: А. О. Маковельский, АзГУ им. В. И. Ленина. Первое десятилетие. 1919—1929, Баку, изд. АзГУ, 1930, сс. 45—47.

40. Участие В. И. Иванова — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, л. 22.

41. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 10 об., 11, 16 об., 22 об., 23.

42. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, л. 13 и об.

43. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, л. 10 об.

44. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, л. 16 об.

45. Напр., митинг на тему «Пролетарское просвещение и неделя помощи школе» (см. «Бак. рабочий», № 295 (427) от 25. 12. 1921), лекция «Что такое красота» в Центральном рабочем клубе «III Интернационал» (см. «Бак. рабочий», № 113 (545) от 23. 5. 1922).

46. См., напр., объявление в «Бак. рабочем», № 31 (759) от 9. 2. 1923 и др. идентичные.

47. Объявление, напр., в «Бак. рабочем», № 52 (780) от 7. 3. 1923 и др.

48. ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 33, л. 6.

49. «Бак. рабочий», № 190 (323) от 22. 8. 1921 и обширная рецензия М. Д. (вероятно, Михаила Данилова, регулярно печатавшегося в бакинских газетах тех лет) в «Бак. Рабочем», № 194 (326) от 25. 8. 1921.

50. «Бак. рабочий», № 280 (412) от 7. 12. 1921, прохладная рецензия опять М. Д., и «Азербайджанские известия», № 281 (482) от 8. 12. 1921, две заметки, одна — о вечере в Гостеатре — подписана «Эль», другая — об университетском — «Н»; см. также «Азерб. известия», № 278 (479) от 5. 12. 1921.

51. «Бак. рабочий», № 158 (291) от 15. 7. 1921.

52. «Бак. рабочий», № 105 (238) от 11. 5. 1921.
53. «Бак. рабочий», № 15 (447) от 19. 1. 1922; на этом вечере Вяч. Иванов председательствовал на диспуте о неокларизме, прокламатором которого в Баку был Ю. Деген.
54. См., напр., «Бак. рабочий», № 31 (463) от 9. 2. 1922 и № 36 (468) от 15. 2. 1922 и небольшой похвальный отзыв в статье Я. Тугенхольда в № 37 (469) от 16. 2. 1922 той же газеты.
55. «Бак. рабочий», № 13 (741) от 18. 1. 1923 (здесь объявлено, кроме того, о поступлении в продажу брошюры о «Лознгрине», которую нам не удалось разыскать; в ней мог быть опубликован доклад Вяч. Иванова) и № 16 от 22. 1. 1923.
56. Лекция называлась «Хоровод муз», см. подробное изложение в отчете М. Д. «На выставке «Весенний салон» в № 76 (508) от 5. 4. 1922, а также в № 69 (501) от 28. 3. 1922; см. также участие Вяч. Иванова в диспуте о театре, устроенном «Маспролитом» — «Азерб. известия», № 264 (465) от 18. 11. 1921.
57. ф. 1640, оп. 1. ед. хр. 24, лл. 26, 31; «Бак. рабочий», № 111 (1134) от 19. 5. 1924.
58. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 24, л. 28.
59. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 24, л. 23 об. Еще в апреле 1922 года В. И. Иванов ставил вопрос о заграникомандировке «от начала летних вакансий до сентября 1923 г. в Италию и Германию» — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 8, л. 23. Возможно, осенью того же года он ездил в Москву для разрешения вопросов, связанных с поездкой за границу — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 15, л. 5.
60. Арх. АзГУ им. С. М. Кирова, ф. 1 оп. 55, св. 1, ед. 12, л. 12.
61. Маковельский, А. О., ор. cit., с. 99.
62. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 31, лл. 98, 99 об.
63. Об этом см. ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 58 (стенограммы III Азербайджанского Съезда профессионального союза работников просвещения, февраль 1923 г.); статьи Ал. К. о пролетаризации ВУЗ'ов — «Бак. рабочий», № 12 (740) от 12. 1. 1923 и проф. А. Селихановича в № 107 (ИЗО) от 14. 5. 1924 и др.; наконец, обобщающий материал у А. О. Маковельского, ор. cit., с. 11—29.
64. ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 8, л. 9; ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 21, л. 133 — об участии Иванова в прениях о тюркизации. Вяч. Иванов осознавал тот факт, что АзГУ был задуман и создан прежде всего как центр и организатор *кавказской* научной жизни, и находил это, вероятно, вполне естественным — см., напр., ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 2, л. 11.
65. Напр., комиссии по преобразованию ист.-филолог. фак. в фак. общ. наук, которое привело к сокращению деятельности факультета — ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 22, лл. 15 об., 16, см. также наше прим. 36.
66. См. напр., ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 38—40.
67. Мы в той или иной степени использовали (или указали в ссылках) *все* документы, известные нам и связанные с пребыванием Вяч. Иванова в Баку. Исключение составили четыре стихотворения, опубликованные в журн. «Норд» и одно стихотворное посвящение Р. М. Глиэру («Глиэр! семь роз моих фарсийских...»), датированное «Баку, 23. 2. 1924» и любезно указанное нам Г. Г. Суперфином — хранится в ЦГАЛИ, ф. 2085, оп. 1, ед. хр. 1258; эти материалы отрывочны и относятся, пожалуй, к другой теме. Несомненно, круг документов, погибших или таких, судьба которых нам неизвестна, неизмеримо шире. Не обнаружены пока, например, архивы бакинских профессоров. Кроме того, что мы сказали в примечаниях 31, 34, 55, считаем своим долгом сообщить следующее: в архиве А. О. Маковельского находились два письма к нему Вяч. Иванова из Италии, которые владелец намеревался передать в Моск. музей А. М. Горького, т. к. в них идет речь о посещении Ивановым Горького на Капри; там же хранилось стихотворное посвящение Вяч. Иванова С. А. Маковельской (этих документов мы не видели и об их существовании знаем со слов владельцев); 18. 11. 1921 года Иванов заявляет ф-ту о «предоставлении ему возможности напечатать небольшой

конспект лекций по греческой трагедии» (см. ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, л. 25), факультет постановил таковой отпечатать, исполнение решения факультета нам проследить не удалось. Б. Я. Каплун, бакинский журналист, с сомнением, правда, вспоминал, что была выпущена Вяч. Ивановым какая-то брошюра, название которой он запомнил, сам Б. Я. Каплун владел некоторыми документами, касавшимися Иванова, но они исчезли в 1937 году.

P.S. К тому времени, когда статья была уже подписана к печати, у автора накопились новые сведения о пребывании Вяч. Иванова в Баку; происхождение их — различно. Однако, они не меняют существенным образом (и не отменяют, тем более) той картины деятельности В. И. Иванова в АзГУ, как она изложена у нас по архивным документам. Автор весьма признателен ученикам В. И. Иванова: М. С. Альтману, В. А. Мануйлову, Е. А. Миллиору, которые ознакомились со статьей в рукописи и высказали свои ценные замечания. К сожалению, теперь лишь немногие из них могут быть отражены в печатаемом тексте. Приходится ограничиться лишь разъяснениями Е. А. Миллиора, изложенными в письме к автору, и В. А. Мануйлова от 1. 6. 1967 г.: «...В. И. не читал курса греческой литературы, как значится по протоколам, а читал три отдельных спецкурса: эпос Гомер, греческая лирика и греческая трагедия. Семинар по Ницше назывался «Ницше и античность». Занятия по Платону («Федон») носили не философский, а чисто лингвистический характер. Это был первый автор, после подготовительного курса у Тумбиля. Чтение «Эвменид» сопровождалось комментариями, которые носили характер небольших студенческих докладов (по религиозным древностям). Книги, которыми пользовались студенты, находились в кабинете и являлись личной собственностью В. И. Это были основательные научные исследования на немецком языке, среди них — Эрвин Роде «Психея». Пользовались книгой В. И. «Дионис и прадионисийство». Может быть, следует добавить, что Эсхила, Сафо и Алкея он давал в собственных переводах. В. И. и его ученики не считались со временем. Когда официальные часы занятий заканчивались и гардероб закрывался, студенты брали свои пальто и занятия продолжались допоздна. В. И., уезжая в Москву, а затем в Италию, не был убежден, что он там задержится, при других обстоятельствах в Аз. ГУ он, возможно, бы и вернулся, но программа менялась, его курсы не очень были нужны, он чувствовал, что в Бакинском университете классическая филология все меньше и меньше занимает места в программе факультета...».

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 209 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
XI
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

ТАРТУ 1968